

Т. Ю. Морева

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

О жанровых особенностях рассказа в стихах А.С. Грина «ЛИ»

Морева Т. Ю. О жанровых особенностях рассказа в стихах А.С. Грина «ЛИ». Объектом статьи является произведение А.С. Грина, имеющее синтетическую жанровую природу. Выявляется причина того, что автор видел в лирическом по форме произведении (и сам иногда называл его поэмой) и эпическое – рассказ; исследуются пути выражения и функции лирического и эпического начал в «ЛИ». Основное внимание сосредоточено на категории «лирическое событие», месте повтора в «ЛИ», а также на месте и роли в формировании жанровой специфики этого произведения ритуала.

Ключевые слова: жанр, лирика, эпос, рассказ, лирическое событие, повтор, А. С. Грин.

Морева Т. Ю. Про жанрові особливості оповідання у віршах О.С. Гріна «ЛІ». Об'єктом статті є твір О.С.Гріна, який має синтетичну жанрову природу. Виявляється причина того, що автор бачив у ліричному за формою творі (і сам іноді називав його поемою) ще й епічне – оповідання; досліджуються шляхи виразу і функції ліричного й епічного початків в «ЛІ». Основна увага зосереджується на категорії «лірична подія», місці повтору в «Лі», а також на місці та ролі у формуванні жанрової специфіки цього твору ритуалу.

Ключові слова: жанр, лірика, епос, оповідання, лірична подія, повтор, О. С. Грін.

Moreva T.Y. About genre specialities of story in verse by A.S.Grin «LEE». The object of this article is a work by A.S.Grin having a synthetic genre nature. The author of this article elicits the reasons why the writer saw epic features proper to a story in a work lyrical by its form (moreover, he even qualified it as a poem sometimes); the article goes deeply into the ways of expression and functions of the epic and lyrical principles in «Lee». The attention is mainly given to the category «lyrical event», a role of a reiterative in «LEE», as well a meaning and role of a rite in formation of the genre specificity of this work.

Key words: genre, lyricism, story, a lyrical event, reiterative, A. S. Grin.

Исследователи творчества А. С. Грина признают, что поэтические произведения – самая малоизученная составляющая его наследия. Так, к примеру, Б.С. Мягков отмечает: «...стихи его должным образом еще не собраны и не систематизированы. Многие из них не опубликованы и находятся в архивных фондах и в списках исследователей. А проанализировать их еще предстоит» [5:156]. В то же время все литературоведы, которые упоминают в свои работах «ЛИ», подчеркивают особую значимость этого произведения в творческой эволюции А. С. Грина. Б. С. Мягков называет «ЛИ» рядом с балладой «Больной волк» и поэмой «Фабрика Дрозда и Жаворонка», когда пишет о приходе этого художника к романтизму и выражении им в них «мечты о несбывшемся» [5:156]. Н. А. Кобзев ставит «ЛИ» в ряд произведений, по которым можно судить о сложном процессе эволюции романтического героя в творчестве А. С. Грина: «от ухода в природу (Тарт, Грон из «Колонии Ланфиер»), в собственный внутренний мир (Рег из «Синего каскада Теллури»), во внутренний мир другого человека (Тинг, Аян из «пролива бурь»), Гоан из «Позорного столба») к возвращению к людям («Зурбаганский стрелок»), к страстному протесту против овеществленных человеческих отношений («ЛИ») [4:10]. Единственное

исследование, непосредственно посвященное «ЛИ», которое нам известно - статья, в которой идет речь об истории этой «поэмы», объемом в три страницы [6]. Приведенные в ней материалы биографического характера имеют особую научную ценность, поскольку позволяют судить, насколько важным было это произведение для его автора. В нем, по словам вдовы писателя, Нины Николаевны Грин, как и в других произведениях конца 1910-х годов, очевидно обретение им «после упорных внутренних поисков» того литературного пути, «которым, обогащая и развивая его, следовал до конца своих дней». «Рассказ этот, - добавляла Н. Н. Грин, - очень характерен для творчества Александра Степановича, несмотря на пронизывающую его светлую грусть. Из его философского подтекста впоследствии родились и «Алые паруса», и «Бегущая по волнам», но уже овеянные духом иного времени, иной силы» [цит. по: 6:149]. И сам А. С. Грин признавался в особом значении для него этого произведения: «Я четыре года писал этого “ЛИ”, стараясь добиться наибольшей простоты» [цит. по: 6:149].

Наша задача – изучить жанровое своеобразие этого гриновского произведения. Известно, что для самого автора обозначение «рассказ в стихах» имело принципиальное значение. В письме А. С. Грина В. А. Бонди, редактору петербургской

газеты «Биржевые ведомости», где он надеялся опубликовать «ЛИ», читаем: «Несколько необычной формы представляю Вам рассказ – рассказ в стихах (не стихи, а именно проза, написанная стихотворным размером); мне показалось, что сюжет требует такой формы» [цит. по: 6:149]. Итак, «проза, написанная стихотворным размером». Почему А.С. Грин настаивал, что это проза, и зачем ему нужен был для нее стихотворный размер?

Нельзя исключить, что здесь стоит говорить о разработке нового языка литературы в переломную для нее эпоху. Сошлемся на высказывание современника А.С. Грина Юрия Тынянова, который, правда, чуть позже, чем был написан «ЛИ» (скорее всего, в 1908-1910 гг.) в 1924 году, в статье «Литературное сегодня» заметил: «...ощущение нового жанра есть ощущение новизны в литературе, новизны решительной; это революция, все остальное – реформы. И сейчас большая жажда увидеть жанр, ощупать его, завязать новый литературный узел» [8:436]. По близкому А.С. Грину пути шли в свое время романтики в поисках жанра, наиболее адекватного для выражения своего представления об идеале, об отношениях между миром и человеком. Так, к примеру, А.Ф. Вельтману принадлежит поэма «Беглец», обозначенная им как «повесть». «Петербургской повестью» назвал свою поэму «Медный всадник» А.С. Пушкин. Таким образом, нельзя сказать, что А.С. Грин разрабатывал новый для литературы жанр. Но, создавая «ЛИ», художник, безусловно, учитывал опыт своих предшественников на пути обновления не только содержания, но и форм его выражения. Главным «жанрообуславливающим» фактором, по словам В.М. Головки, является «художественное воплощение особой, специфической концепции человека в его отношении к миру» [1:34]. Автор «ЛИ» - это, конечно, неоромантик. Выделяя его разновидности в литературе рубежа XIX–XX веков, Д.К. Царик следующим образом характеризует «гуманитарный неоромантизм»: «На переднем плане у них стоит проблема возрождения, лучше сказать, эмансипации подлинно человеческих морально-этических начал, в которых они видят предпосылку обновления общества. В их творчестве нерушимо единство этического и эстетического, человечности и красоты. Высокоморальное для них прекрасно, а прекрасное должно быть высокоморальным» [9:15]. Приведенный фрагмент работы литературоведа вполне применим и к тому произведению А.С. Грина, которому посвящена наша статья. Предположим, что именно авторская концепция человека, воплощенная в «ЛИ» и потребовала от автора синтеза эпоса с лирикой. Остановимся на посвящении, которым открывается произведение.

Посвящение – это один из паратекстовых элементов, смысл которых – сообщение информации, необходимой для более полного погружения читателя в суть текста, акцентирования его внимания на доминантах образной системы, ключевых мотивах и темах. А.С. Грин посвятил «ЛИ» А.И. Куприну.

Как известно, А.С. Грина и А.И. Куприна связывала дружба. А.И. Куприн поддержал молодого автора, который после возвращения из архангельской ссылки остро нуждался в установлении связей с литераторами. А.И. Куприн ввел Грина в «Новый журнал для всех», а затем и в «Современный мир», где тот начал публиковаться. А.С. Грин всегда с теплом отзывался о А.И. Куприне и как талантливым художнике, и как человеку доброй души. Именно присущая А.И. Куприну душевная щедрость и стала основанием посвящения ему произведения о волшебнике, духе, который спасает человека своей любовью и заботой. «На знамени его всегда / Написано: «ПРИВЕТ!» [2:686], – сообщается о ЛИ; описание духа, как правило, сопровождается эпитет «приветливый»: «Вдруг разбудил меня толчок / Приветливый в плечо» [2:686], «...он / Прекрасен и не горд. Приветлив, прост, как джентльмен, / И пошутить не прочь» [2:686]. Стихотворная форма дала возможность А.С. Грину перевести свои представления о морально-этических качествах конкретного человека в универсальный сказочно-легендарный план. Для этого ему и понадобилось соединение лирического и эпического. Как известно, лирическое начало связано в произведении с выражением авторского «я»: его угла зрения на события, его переживаний. Кроме того, лирическое помогает выражению представления автора об идеальном. Предмет поэмы – возвышенное. Что же касается такого эпического жанра, как рассказ, то его предметом может быть и возвышенное, и низкое, и обыкновенное... Внимание к обстоятельствам (обыкновенное) обусловило определение жанра произведения (рассказ). Скорее всего, А.С. Грину важно было подчеркнуть, что определяющим жанровую природу его произведения является именно эпическое: события, обстановка, обстоятельства. Поэтому он и настаивал на том, что это, в первую очередь, - эпическое произведение. Кроме того, рассказ предполагает именно ситуацию рассказывания – свободного общения. «Ли» строится как рассказ-исповедь «старого» Бига с лирическим героем. «Да, я три раза видел ЛИ, - / Сказал мне старый Биг» - так начинается произведение [2:685].

В «ЛИ» А.С. Грина идет речь об обыденном. Но его составляющей оказывается чудо. Причем, для того, чтобы встретиться с духом, который выполняет в судьбе героя роль сказочного дарителя

(он дает ему советы, как жить и каким человеком ему необходимо быть), тому нет необходимости отправляться в «иное» пространство: он сам оказывается рядом с героем в особо неблагоприятные для того моменты жизни. Впервые ЛИ появляется перед Бигом, когда тот засыпает «голодным» в «пакгаузе пустом», а, проснувшись, слышит «крыс унылый писк». Второй раз – когда он прячется от преследующих его жандармов за то, что спас из петли контрабандиста, «премилого человека». Создание образа Ли (а с ним связано представление о возвышенном), как и исключительность происходящего с героем потребовали стихотворной формы. В то же время это чрезвычайные ситуации только для «старого» Бига. И встречи с духом, хотя и сами по себе имеют исключительный характер, не выводят его за пределы обычного. Так, к примеру, первое появление ЛИ заканчивается тем, что он дает совет голодному, где ему найти работу. Состояние, которое переживал Биг, делает его похожим на Аввакума Петрова, лишенного еды и воды на протяжении трех дней. Заключение в тюрьму, он сидел в темноте. Наконец ему явился ангел, который подвел Аввакума к лавке, посадил на нее, дал ему ложку, хлеб, щи («Зело прикусны, хороши!») и произнес слова, которые должны были укрепить его волю: «...полно, довлеет ти ко укреплению!» [3:285]. ЛИ тоже можно назвать ангелом («тень или намек на тень / Парит над головой» [2:686]; «Я – нечто и ничто...» [2:687]). Но чудо, которое он совершает, гораздо обыкновеннее: он не приносит герою еду, а лишь дает совет, как ее добыть. «Пойдешь в Кардийский док. / Есть с бородой там человек, / Чахоточный такой, - / Смотритель. Ты ему скажи, / Что ЛИ тебя послал...», – рекомендует ЛИ [2:687]. Поэтому его появление можно истолковать и как реальную встречу героя с дарителем, и как продолжение его сна. Точно так же, как и спасение от жандарма, которое случилось благодаря тому, что его укрыла дочь лесника. Примечательно, что такой же двойственной (выполняют волю духа-дарителя, с одной стороны, и являются обыкновенными, но отзывчивыми людьми, с другой) природой обладают и те, к кому направляет ЛИ героя. Таков, к примеру, образ Мариэт. Она может быть простой девушкой-мечтательницей, поющей о «королеве и ея / Изысканном паже» [2:689], и одновременно одним из воплощений самого духа ЛИ. «Я выглянул за дверь ..., - вспоминает герой. – Но не увидел Мариэт, / Сидел у печки ЛИ. / И бил в ладоши, и, смеясь, / Торжествовал во всю... / Я вздрогнул и глаза протер... / Не ЛИ, а Мариэт / Встает и тихо говорит...» [2:690]. И сами по себе события могут быть истолкованы двойственно: с одной стороны, они чудесны (встреча с духом-дарителем, спасение от голода, от неволи,

преображение массы людей на корабле) и обыкновенны в одно и то же время. Поэтому события в «ЛИ» одновременно могут быть отнесены как к лирическому, так и эпическому литературным родам. Их одновременно можно определить и как эпические, и как лирические. Эпические события – это события, о которых кто-то рассказывает (свидетель, участник, отстраненный от них повествователь...), как бы глядя на них со стороны; в них вовлечены другие лица, они имели место в действительности (хотя и созданной воображением автора). То есть, как замечает И. В. Силантьев, опираясь на данную им М. М. Бахтиным характеристику, события «объективированные рассказом и потому отделенные от читателя и слушателя» [7:28]. Таковы события, случившиеся с Бигом. И в то же время это события лирические, которые представляют собой «...качественное изменение состояния лирического субъекта, несущее экзистенциальный смысл для самого лирического субъекта и эстетический смысл для вовлеченного в лирический дискурс читателя» [7:29]. И качество связанности текста в «ЛИ» одновременно оказывается таким, которое присуще и лирике, и эпосу. С одной стороны, все происходящее может быть представлено как история жизни Бига, в которой могут быть выделены завязка, развитие действия, его кульминация... - все то, что относится к сюжету эпического произведения. С другой стороны, очевидно, что текст «ЛИ» организован характерными для лирики повторами, которые укрепляют его целостность, «поддерживая единство лирического субъекта» [7:242]. В «ЛИ» повторяются ситуации встречи героя с духом-дарителем, которые в целом можно определить как ступени инициации, которые проходит Биг на пути обретения дара человечности («Сообразив, как человек, / Зачем приходит ЛИ» [2:687]).

Выводы. В конце 1910-х годов А. С. Грину все ближе оказываются художественные принципы неоромантизма, что, в частности, проявляется в стремлении сосредоточить внимание на идеале, художественно воссоздать его. Это потребовало поисков формы, которая позволила бы совместить выражение автором своего понимания высокого, имеющего универсальный характер, с объективным воссозданием деталей действительности, находящейся в противоречии с идеалом. В «ЛИ» А. С. Грин соединяет лирическое, заключающееся в своего рода мифологизации реального человека, поддержавшего его в сложной ситуации отчуждения от людей, и проявляющееся на ряде уровней (образная система, стихотворная форма, лирический характер событий, повтор как средство организации целостности произведения и т.д.) и эпическое (обыкновенное как объект внимания, эпический характер событий, ситуация

рассказывания и т.д.).

Литература

1. Головкин В.М. Герменевтика литературного жанра: учеб. пособие / В.М. Головкин. – М.: ФЛИНТА; Наука, 2012. – 184 с.
2. Грин А.С. ЛИ / Александр Грин // Собр. соч.: В 5 т. – М.: Художественная литература, 1991. Т.3. – С. 685–696.
3. Изборник: Повести Древней Руси / Сост. и примеч. Л. Дмитриева и Н. Поньрко; Вступит статья Д. Лихачева. – М.: Худож. лит., 1987. – 384 с.
4. Кобзев Н.А. А.С. Грин: жизнь и творчество / Н.А. Кобзев // Александр Грин: человек и художник. Материалы XIV Международной научной конференции. – Симферополь: Крымский Архив, 2000. – С.6 – 27.
5. Мягков Б.С. О проблемах изучения литературного наследия А.С. Грина как поэта-сатирика и поэта-романтика / Б.С. Мягков // Александр Грин: человек и художник. Материалы XIV Международной научной конференции. – Симферополь: Крымский Архив, 2000. – С.155 – 158.
6. Первова Ю.А. История поэмы Грина «Ли» / Ю.А. Первова, А.А. Верхман, И.И. Жук // Александр Грин: человек и художник. Материалы XIV Международной научной конференции. – Симферополь: Крымский Архив, 2000. – С. 148 – 150.
7. Силантьев И.В. Сюжетологические исследования / И.В. Силантьев. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 224 с.
8. Тынянов Ю.Н. История литературы. Критика / Юрий Тынянов. – СПб.: Азбука-классика, 2001. – 512 с.
9. Царик Д.К. Типология неоромантизма / Д.К. Царик; Отв. ред. Л.С. Радек. – Кишинев: Штиинца, 1984. – 164 с.